

Очень часты в былинах прилагательные собственно относительные: княженецкий (княжеский), царский, крестьянский, дворянский, вдовиный, каличий, богатырский, молодецкий (два последних употребляются и в значении качественных прилагательных). Довольно значительна группа качественных прилагательных отглагольных: горючий, катучий, капучий, кипучий, валучий, толкучий, топучий, крыкучий, кыкучий, певучий, зыбучий, бродучий, поклевучий, подкупучий, стоячий, шумячий, ходячий и т. д., стоялый, езжалый, зяблый, переходный, переезжий и т. д., точеный, толченый, кованый, кормленый, званый, нежданый и т. п.

Этот своеобразный, очень конкретный по семантике, состав прилагательных, выступающих в роли эпитетов, выдвигает вопрос об истории эпитета в былине, хотя бы на протяжении доступной обозрению зафиксированной записями традиции (от начала XVII в. до наших дней), а также вопрос о том, какой принцип лежит в основании употребления эпитетов (1—повторение, подновление значения существительного; 2—выделение существенного признака; 3—указание на идеальный, желаемый признак или нечто другое).

Пока оставим записи XVII в. (к ним обратимся несколько позднее), а остановимся на Сборнике Кирши Данилова в сравнении его с записями А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова.

Количество прилагательных-определений, которые могут сочетаться с каким-нибудь существительным (имеющим одинаковую функцию в этих сборниках), значительно больше в записях А. Ф. Гильфердинга, и они гораздо разнообразнее, чем в Сборнике Кирши Данилова.¹ Несомненно, в Сборнике Кирши Данилова есть определения, которых совсем нет в известных нам записях XIX—XX вв., но это — единичные случаи, в которых речь идет о качествах и признаках предметов, вышедших из употребления, или эти определения представляют собой местный, диалектный вариант тех, которые имеются в более поздних записях, например: „баберековый камзол“, „грамота тарханная“, „дробные деньги“, „дороги увольные“, „бурнастая лиса“, „торженные усы“.

Абсолютное количество прилагательных-определений значительно выросло, если можно так сказать, за счет тех, которые характеризуют явления природы, бытовые детали, обстановку действия.

В Сборнике Кирши Данилова „море“ только „синее“, хотя в целом ряде сюжетов море имеет существенное значение (Соловей Будимирович, Садко, Василий Буслаев, Азов-город и т. п.), тогда как в „Онежских былинах“ А. Ф. Гильфердинга море: синее, славное, широкое, глубокое, славное синее, глубокое, синее солоное.²

¹ Такая же картина получается при сопоставлении Сборника Кирши Данилова с записями А. В. Маркова, А. Д. Григорьева („Беломорские былины“, „Архангельские былины“).

² В сборниках А. В. Маркова и А. Д. Григорьева существительное „море“ также имеет и другие эпитеты: солоное, черное, арапское, глубокое и т. д.